

ЛИТЕРАТУРА

Лит. газета - 1991 -

КРИТИКА

27 февр (28) - с. 10

ЛИТЕРАТУ

Станислав ЛЕСНЕВСКИЙ:

1. В анкете, как и в союзном референдуме, вопросы уже ставят нас в совершенно определенное положение. Мне показалось, что, отвечая на них, мы неизбежно впадаем в какой-то уничижительный, оговорочный тон. Подразумевается, что объективный разговор о писателе — это чисто литературоведческий разговор, что идеологический контекст до сих пор мешал нам углубиться в критический анализ. Будто этот анализ можно проводить, заткнув уши и закрыв глаза, наслаждаясь чистой герменевтикой.

2. Интересно и важно в Солженицыне все — судьба, пафос, позиция, язык. И ни о чем еще не сказано всерьез, ничто не прочитано по-настоящему, и книги еще не дошли до народа. А почему мы должны в качестве исходной точки для размышлений брать шутку, бытующую в принципиально иной среде? Это заранее ставит нас в нелепое положение. У нас люди еще толком не прочитали этих сочинений, толком ничего не знают об этих проблемах. Даже обмолвки писателя (если считать их таковыми) причастны к целостному единству, каким является творческий мир. Но ясно, что неприятие фетишей, идолов, закабаливших сознание народа, — одна из главенствующих идей Солженицына.

3. Думается, рано еще, упреждая внимательное чтение книг писателя, заниматься классификацией, выстраивать ряды предшественников и последователей. И все-таки рискну заметить, что феномен Солженицына — единственный в своем роде сплав противоположных, но неразделимых и глубоких традиций русской общественной мысли, русской духовности — демократической и консервативной, просветительской и религиозной. Условно говоря, это как бы — в одном лице — Герцен и Леонтьев, Короленко и Бунин, но, конечно, и Достоевский, и Лев Толстой... Солженицын оказал огромное влияние на все лучшее, народное в нашей литературе минувшего тридцатилетия. Но никто вслед за ним не сумел признаться в правде, которая открылась людям двадцатого века через урок, данный миру Россией.

Все это лишь подтверждает необходимость аналитического прочтения всех известных нам текстов писателя. И хочется поддержать стремление газеты вести постоянный разговор о творчестве Солженицына.

Лев АННИНСКИЙ:

С Солженицыным связаны у меня, как и у большинства современных читателей, сильнейшие читательские переживания. Я был потрясен «Одним днем Ивана Денисовича», потрясен «Матрениным двором», потрясен «Августом Четырнадцатого». Потом — из-

гнанием. И наконец — символическим возвращением Солженицына, когда весной прошлого года, в разгар публикаций, устроили в Союзе писателей конференцию по его творчеству. Ожидалось нечто грандиозное, с наплывом публики, «с конной милицией». Получилось нечто академичное, анемичное, астеничное, без особого резонанса, кажется, даже со скукой в зале. Этот факт меня потряс не меньше прежних.

Когда-то думалось: вот «ГУЛАГ» напечатает — все выправится. Напечатали. Не выправилось. Полная аналогия с гласностью вообще. Думалось: дайте только людям заговорить — правда откроется. Дали. Открылась такая правда, что неизвестно, как ее вынести.

Сам Солженицын в этой драме не

заново взвешиваться и осваиваться. Тогда его крутость, его зекская ярость, его тяжелое христианство помогут людям — тоже на манер панциря. И тогда «Теленок», наименее «художественная» вещь Солженицына, останется наиболее сильным выражением его миссии; и «Красное колесо», постепенно увязшее в глине исторического материала, все-таки удержит интерес для будущего, потому что логика материала да и сама логика увязания останется чертой жизни нашего народа.

Если же мы выломимся из тысячелетней евразийской вязкости и выберемся на твердый европейский берег — какую уж ценой, опять-таки бог весть: дроблением ли «мира» на индивидуальные доли, дроблением ли

ле: кошмар, что из этого получится.

Узких специалистов чистой филологии Солженицын обеспечит хлебом надолго. Очень уж демонстративна своеобразность речи: вызывает к оцениванию и анализу. Даже словарь особый скоплен. Но дело в том, что в барак-камере тоталитаризма, в бараке лагеря, в бардаке безличия (в том числе и словесного) этот тип речи, эта манера на каждой фразе ставить личное клеймо есть символ неподчинения норме, символ сопротивления, символ вызывающего поведения. Это оружие! Вне поля боя — это украшение. Это излишество: щегольство, искусственность, нарочитость. Знаете, почему у Солженицына нет подражателей? СЛИШКОМ ЛЕГКО подделываться. Интуитивно литераторы чувствуют ловушку: не лезут. И назвать тут некого, а если кто появится — его не заметят. Если станет МАНЕРУ копировать. А тип поведения как скопируешь? Эта школа на совсем другом уровне. Если кому по силам будет титаническую ношу поднять, так общего в манере окажется не больше, чем у самого Солженицына с Толстым. Это к вопросу о предшественниках: конечно, Толстой! По тому, какая ноша взвалена, но вовсе не по «ткани»; ткань вообще «домотканая».

Так все это — при условии, что ноша будет, что «воз» этот не окажется растащенным и ликвидированным нами в новой счастливой жизни. Большая литература строится на несчастье. Это тяжелая плата.

А что до эмигрантских шуток: историю ГУЛАГа, мол, писал гений, а «Плюралистов» — посредственный публицист, отчего и не пошутить? Как во всякой шутке, тут есть доля истины, и истина эта говорит о состоянии тех, кто шутит. Им, как я понимаю, очень важно, кто гений, а кто посредственность. Не перепутать. «Распределители». Кстати, почему «в эмигрантской среде»? У нас таких шутиков не меньше. Угадывают, кому сколько причитается: где гений, а где посредственность. Мне это не очень важно; и гения могут забыть, и посредственность перечитать: все зависит от того, ЧТО искать.

Если искать ответы на проклятые вопросы, их не найдешь, на то они и проклятые. Если же вживаться в опыт писателя и мыслителя — то никакой грани между «ГУЛАГом» и «Плюралистами» нет, а есть мучительный поиск выхода, единый путь, судьба.

Говорю это при полном сознании того, что не согласен с «Плюралистами» и не безоговорочен в признании «ГУЛАГа» — ни теперь, ни когда впервые читал. Но это — не несогласие с фактами и воззрениями, ибо это факт: «образованщина» была и есть, а просто мой опыт, моя судьба, моя способность к действию от «образованщины» неотрывны, и потому мое воззрение на нее другое. И с «ГУЛАГом» непросто. Факты, опыт, мощь — титанические, и результат действия книги всемирно огромен. А духовная сверхзадача все-таки мифологична: тут, на мой выбор, Шаламов поближе к истине. Или к тупику истины. К той истине нашего тупикового озверения, которое никакому всеобщему покаянию, или срочному крещению, или громогласному литературному очищению, как видно, не поддается.

При всем том (если уж так ранжир нужен) и «Плюралисты», и «ГУЛАГ» написаны гением. ГЕНИЕМ БОРЬБЫ. Будет борьба «в прежнем режиме» — будет нужен и гений, который заодно сделает работу и за посредственных публицистов.

А чтобы с ранжиром все было ясно, перефразирую императора Павла I (в шутку, в шутку, конечно!): гений — тот, кого я (читатель) читаю, и до тех пор, пока читаю.

Солженицына

АНКЕТА «ЛГ»

С легкой руки Сергея Залыгина минувший год называют «годом Солженицына», и действительно, произведения нобелевского лауреата активно публиковались и читались. На наш взгляд, наступает время критического осмысления текстов А. И. Солженицына.

В качестве подступа к этой теме редакция русской литературы «ЛГ» предложила писателям, критикам, литературоведам небольшую анкету. Сегодня мы публикуем ее вопросы и первые, уже поступившие в редакцию ответы на них.

1. ВОЗМОЖЕН ЛИ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ОБЪЕКТИВНЫЙ, ЧИСТО ЛИТЕРАТУРОВЕДСКИЙ РАЗГОВОР О ДОСТОИНСТВАХ И НЕДОСТАТКАХ СОЛЖЕНИЦЫНА-ПИСАТЕЛЯ? МОЖНО ЛИ — И НУЖНО ЛИ — ЗАНИМАТЬСЯ КРИТИЧЕСКИМ АНАЛИЗОМ ЕГО ТЕКСТОВ, ОТВЛЕКАЯСЬ ОТ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА, УСТОЙЧИВОЙ АУРОЙ СОПРОВОЖДАЮЩЕГО ИМЯ СОЛЖЕНИЦЫНА?

2. В ЭМИГРАНТСКОЙ СРЕДЕ БЫТУЕТ ШУТКА О ТОМ, ЧТО АЛЕКСАНДРОВ ИСАЕВИЧЕЙ — ДВОЕ. ПЕРВЫЙ — ГЕНИАЛЬНЫЙ АВТОР «ОДНОГО ДНЯ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА» И «АРХИПЕЛАГА ГУЛАГ», ВТОРОЙ — ВСЕГО ЛИШЬ НАВСЕГО ПУБЛИЦИСТ, НАПИСАВШИЙ «ЛЕНИНА В ЦЮРИХЕ» И СТАТЬЮ «НАШИ ПЛЮРАЛИСТЫ». КАК ВАМ КАЖЕТСЯ, ЕСТЬ ЛИ В ЭТОЙ ЗЛОЙ ШУТКЕ ДОЛЯ ИСТИНЫ?

3. ГОВОРЯТ, ЧТО ПО-НАСТОЯЩЕМУ ОРИГИНАЛЬНЫЙ ХУДОЖНИК ВЫЛАМЫВАЕТСЯ ИЗ ТРАДИЦИИ И НЕ СОЗДАЕТ СОБСТВЕННОЙ ШКОЛЫ. ЕГО УДЕЛ — НИСПРОВЕРГАТЬ КУМИРОВ И ПЛОДИТЬ ЭПИГОНОВ. ИМЕЕТ ЛИ СМЫСЛ ВЫСТРАИВАТЬ РЯД ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ И ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА В ЛИТЕРАТУРЕ? А ЕСЛИ ИМЕЕТ — КОГО ВЫ ВЫ НАЗВАЛИ В ЭТОМ РЯДУ ПРЕЖДЕ ВСЕГО?

повиновен. Он сделал все, что велела ему судьба. И то, что он сделал, уже сделано: никто никогда не отменит его подвига, не обесценит той циклопической работы, которую он совершил в русской истории и в русской литературе. Вопрос в другом: будет ли написанное им работать дальше, и если да, то как будет работать? Вот это сейчас совершенно неясно.

Ситуация переменялась. Ситуация продолжает меняться. Россия на непредсказуемом переломе, и к чему — не угадаешь. Нельзя предсказать даже, будет ли этот перелом скоротечным или растянется на поколения, которым придется жить в «полувесомости». А уж куда выломимся и в каком виде — бог весть.

Если обратно в «соборность», в жите «всем миром», в имперское единство, в социализм (впрочем, название мы, конечно, придумаем новое), если личность будет скована (и защищена) внешним панцирем — тогда тип сопротивления личности, выработанный русским сознанием за века тирании (тирании верха и тирании низа), потребует и впредь укрепления. Тогда опыт Солженицына, сам тип самоосуществления личности в условиях сверхчеловеческого давления будет

общества на общины и общинки, дроблением ли империи на малые страны, — так или иначе, шанс есть, — тогда все изменится! Тогда и литература русская как форма сопротивления личности и как духовное служение перестанет существовать. Тогда нынешний паралич литературы — не казус, а закономерность, и это только начало: будем счастливы без литературы. Тогда символично и то, что первой жертвой от нас на этом пути десакрализации литературы становится Солженицын — самая крупная фигура, выдвинутая нашей словесностью за последние полвека.

В таком случае «объективный, чисто литературоведческий разговор о достоинствах Солженицына-писателя» будет, разумеется, «возможен». Но неинтересен — никому, кроме филологов и желающих стать филологами. Тогда можно будет заниматься «критическим анализом его текстов, отвлекаясь от идеологического контекста», то есть инвентаризировать его приемы, выразительные и изобразительные средства и прочую школьную (что на Западе уже давно сделано, сразу было сделано, как появился). Откатится Солженицын в область «чистой филологии». Кошмар. В смыс-